

В. В. КУЧМА

«СТРАТЕГИКОС» ОНАСАНДРА И «СТРАТЕГИКОН МАВРИКИЯ»: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2. СОПОСТАВЛЕНИЕ ВОЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ *

Как уже отмечено ранее, начиная со времен Ксенофонта в греко-римской военной теории стало проводиться различие между стратегией и тактикой. И Онасандру, и Маврикию свойственно понимание стратегии как высшего полководческого искусства, рассматривающего общетеоретические проблемы подготовки армии к войне, а также вопросы планирования и непосредственного проведения военных кампаний. В трактате Онасандра стратегические сюжеты явно преобладают; у Маврикия объем стратегических и тактических сведений приблизительно одинаков. Вторая часть настоящей работы посвящена сравнительному анализу преимущественно стратегических концепций обоих авторов; сопоставление их тактических воззрений производится лишь по мере необходимости.

«Стратегикос» Онасандра, по свидетельству самого автора, задуман как руководство для «хороших военачальников»¹. Военский успех — не следствие слепого рока, а результат деятельности командиров; ссылка на превратности судьбы так же мало извиняет поражение, как и объясняет победу². Внутренняя логика этой исходной установки привела Онасандра к мысли начать свой трактат с конструирования образа идеального полководца. Новизна и оригинальность авторского замысла должны быть оценены в полной мере: критерии нравственного облика военачальника были сформулированы Онасандром впервые. Последующие памятники военно-теоретической литературы продолжили эту традицию.

В порядке очередности Онасандр перечисляет следующие качества стратега: благоразумие, самообладание, воздержанность в питье и еде, трудолюбие, мудрость, отсутствие корыстолюбия; желательное также, чтобы военачальник был не молодым и не старым, по возможности — отцом семейства, человеком красноречивым и пользующимся широкой известностью³. Несколько ниже Онасандр добавляет еще такие характеристики: добропорядочность, обходительность, постоянная готовность к действиям, уравновешенность и невозмутимость⁴.

Ряд соображений высказан автором относительно критерия состоятельности военачальника. По мысли Онасандра, этот критерий не может являться основополагающим и отодвигать на второй план все остальные. При назначении на пост военачальника следует принимать во внимание не состоятельность претендента, а его личные качества. Между двумя равными по доблести, но различными по состоятельности военачальниками разница такая же, как между оружием, украшенным золотом и серебром, и таковым же, но лишенным украшений. Разумеется, позолоченное оружие превосходит простое своей красотой, однако не по этому признаку

* Продолжение. Начало см.: ВВ, 1982, 43.

¹ Цит. по: *Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander*. The Illinois Greek Club. London; New York, 1923 (далее: *Onasander*). Praef., 4, p. 370.

² *Onasander*. Praef., 6, p. 370.

³ *Ibid.*, I, 1—18, p. 374—382.

⁴ *Ibid.*, II, 1—2, p. 386.

судят о его главных достоинствах. Следовательно, не нужно выдвигать человека на командные посты лишь из уважения к его богатству; в равной степени было бы ошибкой презирать достойного человека единственно по причине его бедности ⁵.

Примерно так же, по мысли Онасандра, следует подходить к вопросу о благородстве происхождения военачальника. Счастлив стратиг, личные достоинства которого сочетаются со славой и достоинством его предков. Однако было бы безрассудно при выборе военачальника взирать только на благодетели его отцов и дедов, не обращая внимания на его собственные качества: знаменитость происхождения без собственных доблестей для него бесполезна. Зачастую случается так, что на военном поприще гораздо лучше проявляет себя человек, который не может похвалиться своими предками, ибо он с гораздо большей ревностью исполняет свои обязанности, желая сокрыть незнатность происхождения личными неусыпными стараниями и прославить свой род перед грядущими поколениями собственными славными заслугами ⁶.

Анализ данного пассажа «Стратегикоса» приводит к выводу, что Онасандр решает проблему в чисто умозрительном, общефилософском плане. Сформулированные им критерии нравственного облика идеального военачальника лежали в сфере чистой абстракции: построенные на отвлеченных принципах — благоразумия и здравого смысла, они фактически никак не были связаны с особенностями эпохи и весьма слабо соотносились со спецификой должности, к которой прилагались. Именно в силу своей безотносительности и универсальности максимы Онасандра оказались столь долговечными — они охотно заимствовались позднейшими авторами вплоть до самых последних представителей военно-литературной традиции. Идеал был сформулирован — задача состояла лишь в том, чтобы скорректировать его относительно сферы военной службы в ту или иную историческую эпоху.

Первый опыт такой корректировки был дан самим Онасандром. Убедительно аргументирован им критерий красноречия ⁷: искусство возбуждать словами мужество воинов накануне битвы, умение утешить и вдохновить их в случае поражения имеют действительно неоценимое значение в армейской практике. Удачно преломлен применительно к армии критерий психологической уравновешенности, справедливости по отношению к подчиненным: излишняя мягкость разлагает воинскую дисциплину, всепрощенчество возбуждает презрение, а жестокосердие — ненависть к командиру ⁸. Скольким реминисценциям в позднейших военных трактатах дала жизнь эта, в сущности, простая, но богатая по содержанию мысль! Однако большинство из сформулированных критериев так и остались «немилитаризованными»: вероятно, Онасандр осознавал те издержки, которые неизбежны при слишком резком «заземлении» абстрактного идеала.

В некоторых случаях, когда Онасандр все же пытался это сделать, его идеальные построения подвергались серьезным модификациям. Так, он указывает, что в «смутные времена» лучше ставить знатных и богатых людей на должности военачальников. Первое из этих качеств поможет им скорее завоевать доверие, а возможность оказывать материальную помощь своим подчиненным еще больше укрепит их влияние ⁹. Как видим, реальная жизнь оказывалась гораздо грубее и прозаичнее прекраснодушных рассуждений о почтенной бедности и благоприобретенном личном достоинстве, которыми тешил себя этот «платонический философ».

Спустя пять с лишним столетий проблемы нравственного облика военачальника волновали и автора «Стратегикона». Маврикию хорошо известны онасандровские критерии идеального полководца — все они (с боль-

⁵ Ibid., I, 19—20, p. 382.

⁶ Ibid., I, 21—25, p. 382—386.

⁷ Ibid., I, 13—16, p. 378—380.

⁸ Ibid., II, 2, p. 386.

⁹ Ibid., II, 5, p. 386—388.

шей или меньшей степенью детализации) отражены в «Стратегиконе»¹⁰. Влияние Онасандра на Маврикия неоспоримо, но подход последнего к данной проблеме существенно иной. В трактате Маврикия онасандровские критерии пересмотрены, выработана другая шкала их ценности, акценты перетасованы и перемещены, сформулирован ряд новых принципов — в результате нарисованный Маврикием идеальный образ военачальника гораздо более жизнен и полнокровен.

В отличие от Онасандра, Маврикий стоит на почве реальной армейской действительности. Он не позволяет себе увлечься абстракциями: в его сознании постоянно доминирует мысль о целях сочинения как практического военного руководства. Будучи сам военным практиком, он адресует свой трактат коллегам по профессии. Он уверен, что их будут в первую очередь интересовать те реальные, жизненные ситуации, которые складываются в армии в отношениях между командирами и подчиненными. Поэтому и процесс конструирования идеального облика стратига в трактатах Онасандра и Маврикия происходит весьма различными путями. У Онасандра этот облик сформирован априори; задача автора заключается лишь в том, чтобы раздробить его на отдельные составляющие — черты характера, проиллюстрировав последние специально подобранным «военным» материалом. Маврикий поступает прямо противоположным образом: анализ реальной армейской жизни дает ему материал для оценок методов военного руководства с точки зрения их желательности, допустимости или невозможности. На основе авторских симпатий и антипатий (а они у Маврикия выражены всегда максимально четко) читатель получал ясное представление о выдвигавшихся тогда перед военными руководителями требованиях и о тех моральных и профессиональных качествах военачальников, которые должны были этим требованиям соответствовать.

Благодаря такому способу расположения материала Маврикий вовсе не навязывал читателю свой идеал военачальника — он только помогал ему разобраться в том, что здесь заслуживает одобрения, а что — порицания. Поэтому идеал Маврикия, помимо своей реальности, материальной осязаемости, приобретал еще одну черту, которой так недоставало в построениях Онасандра, — динамичность, способность к переменам в соответствии с изменяющейся обстановкой.

Однако и в концепции Маврикия имеется критерий, которому он придает безусловное значение, причем этот критерий — единственный, не являющийся производным от армейской практики, но во времена Маврикия прилагавшийся к военной сфере столь же органично и универсально, как и к любой другой сфере общественной жизни. Речь идет о критерии благочестия. Маврикий убежден, что именно благочестие, дополняемое боевым опытом и полководческим искусством, — самая надежная гарантия военного успеха. Маврикий сравнивает при этом стратига с кормчим, который твердо ведет корабль через бурное море, уповая на собственное мастерство и всецело полагаясь на божественное благоволение¹¹.

Полководец в образе кормчего — аналогия, известная Онасандру¹²; он тоже не был чужд идее религиозного обеспечения полководческой деятельности. Специальная (очень краткая) глава его трактата обязывает стратига провести духовное очищение войска перед походом, принести жертвы, предписанные обычаем или назначенные в предсказаниях¹³. В дальнейшем изложении уже более подробно рассказано, что непосредственно перед боем нужно вновь совершить жертвоприношения и по внутренностям жертвенных животных определить его вероятный исход. Заниматься этим должны жрецы и гадатели, которые следуют с войском, но желательно, чтобы и сам стратиг был сведущ в таких делах. Если пред-

¹⁰ Анализ соответствующих разделов трактата Маврикия см.: *Удалъцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 309—316.*

¹¹ *Mauricius. Arta militaria. Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihăescu (Scriptores byzantini, VI). București, 1970 (далее: *Mauricius*), VII, 1, 1, p. 164.*

¹² *Onasander, XXXIII, 2, p. 480.*

¹³ *Ibid.*, V, p. 392—394.

сказания неблагоприятны, следует уклониться от сражения и постараться умиловить богов новыми жертвами¹⁴. Помимо внутренностей животных, судьбу предстоящего сражения может предопределить и расположение небесных светил¹⁵.

Подчеркнутая религиозность Онасандра не осталась незамеченной в историографии. Однако она не идет ни в какое сравнение с ортодоксальностью Маврикия. В то время как для Онасандра религия есть лишь дополнение к его платоническим философским концепциям, ортодоксальный конфессионализм Маврикия служит основой всего его мировоззрения, всего понимания им мирового порядка вещей.

Осуществление своих функций главнокомандующего стратиг должен начать с решения вопроса принципиальной важности: надлежит прежде всего убедиться самому в неизбежности войны и доказать всем справедливость причин, побуждающих ее начать. Особая глава в трактате Онасандра впервые в военно-теоретической литературе подробно обосновывает этот тезис, ставший впоследствии важнейшим составным звеном византийской военной доктрины¹⁶.

Справедливая причина войны, указывает Онасандр, — единственное средство обратить на себя божественное благоволение. Люди, преисполненные уверенности в заступничестве богов, спокойнее переносят военные тяготы; напротив, те, кто не уверен в справедливости своих действий, будут усматривать в военных неудачах карающий перст разгневанного божества. Вначале надобно употребить все усилия, чтобы путем переговоров добиться удовлетворения законных требований к неприятелю, одновременно доказывая необоснованность его собственных претензий. Если же не удастся разрешить конфликт мирным путем, тогда, призвав бога в свидетели правоты своих намерений, следует открыто и ясно заявить, что война становится неизбежной, и ответственность за нее возложить на противоположную сторону.

Решившись на войну, продолжает Онасандр, нужно подойти к ее подготовке со всей основательностью и серьезностью — здесь стратиг должен уподобиться опытному зодчему, который не станет возводить здание, не позаботившись о прочности фундамента, и искусному мореплавателю, который не рискнет отплыть из гавани, не употребив все средства на укрепление корабля. Начав войну, отступать уже нельзя — неуверенность и колебания стратига уронят его в глазах доброжелателей и вызовут презрение к нему со стороны врагов.

В нескольких местах Онасандр упоминает о дипломатическом обеспечении военных кампаний. Не исключена возможность личных встреч между командующими воюющих армий. В этом случае стратигу рекомендуется иметь при себе блестящую свиту, составленную из отборных командиров и воинов, физически крепких, мужественных, великолепно вооруженных, — что должно, по мнению автора, произвести устрашающее впечатление на врага¹⁷. Заключив перемирие, следует тщательно обезопасить себя от возможных вражеских козней, особенно если речь идет о народе, обычаи которого неизвестны. Самому же нужно проявлять максимум благоразумия, пунктуально соблюдать условия перемирия, не допуская никаких, даже самых малейших, их нарушений.

Фактически здесь действует тот же принцип «справедливой войны», который ранее был обоснован Онасандром для мирного периода, а в данном случае скорректирован применительно к обстановке временного перемирия¹⁸.

Все эти идеи Онасандра известны Маврикию и в принципе им разделяются. Содержание IV главы «Стратегикоса» сведено Маврикием к че-

¹⁴ Ibid., X, 25—27, p. 428.

¹⁵ Ibid., X, 28, p. 428—430.

¹⁶ Ibid., IV, 1—6, p. 390—392.

¹⁷ Ibid., X, 14, p. 418—420.

¹⁸ Ibid., XXXVII, 1—5, p. 492—494.

канной формуле: «Причина войны должна быть законна»¹⁹. Высказан ряд аналогичных рекомендаций по поводу переговоров с противником (правда, о личной встрече двух главнокомандующих Маврикий не упоминает). Обращено внимание на недопустимость заносчивого отношения к партнеру, унижающего его достоинство, хотя бы его войско было меньшим по численности²⁰. Даже после одержанной победы следует выслушать вражеские предложения об условиях мира, если здесь не кроется какого-либо обмана²¹. Вслед за Онасандром Маврикий рекомендует никоим образом не нарушать клятвы, данной неприятелю²², твердо соблюдать все взятые на себя обязательства²³.

Однако в дальнейшем Маврикий высказывает ряд советов, находящихся в явном противоречии с этими положениями. Он советует усыпить бдительность вражеских послов посредством лстивых речей, а когда послы отбудут, последовать за ними и напасть на врага, не ожидающего нападения²⁴. Можно поступить и иначе: дезориентировать противника миролюбивыми предложениями и, улучив момент, внезапно напасть на него²⁵. Эти рекомендации даются Маврикием в главе, посвященной организации неожиданных нападений. Подобная идея не была чужда и Онасандру (о чем — ниже), но если у последнего неожиданные нападения обеспечиваются исключительно военными мерами, то Маврикий ставит проблему шире: он ведет речь не о «чистых» стратегемах, а о целом комплексе мероприятий, в которых дипломатия становится одним из орудий достижения военного успеха. Перед нами здесь — редкий случай, когда философ-теоретик Онасандр проявляет себя более узким военным «технологом», чем практик Маврикий. Для Онасандра война — это одно, а дипломатия — нечто совсем иное. Для Маврикия — это единый комплекс акций, обеспечивающих победу над врагом, а ее цена складывается из предательства и вероломства так же естественно, как и из искусства командиров, храбрости солдат и божественного благоволения. И дело, видимо, не в качествах характера Онасандра и Маврикия, а именно в том, что Онасандр не знает военную реальность, Маврикий же досконально разбирается в ней: он был современником напряженной, отчаянной борьбы византийского и варварского миров, войны насмерть, когда все средства ее ведения признавались одинаково приемлемыми.

Характер военной доктрины, которую преподносит читателю Онасандр, отличается прямолинейностью и однозначностью: он представляет римское войско только в роли наступающей стороны. Об обороне в трактате фактически не сказано ни слова. Даже в заключительных разделах, где рассматриваются проблемы полиоркеттики, речь идет лишь об осаде вражеских крепостей, тогда как об обороне собственных городов даже не упоминается.

Такая односторонность, объяснимая в отношении Онасандра, совершенно несвойственна Маврикию. Как уже установлено нами ранее, «Стратегикон» создавался в качестве всеобъемлющего руководства, рассчитанного на ведение войны против любого противника и в различных условиях. Автор столь же искушен в ведении оборонительной войны, сколь и наступательной²⁶. Существенным вкладом Маврикия в разработку проблем военной науки явился составленный им план мероприятий по организации стратегической обороны — подготовке армии и гражданского населения к войне в предвидении вражеского нашествия²⁷.

Соответственно решаются двумя авторами и проблемы экономического

¹⁹ *Mauricius*, VIII, 2, 12, p. 206.

²⁰ *Ibid.*, VIII, 1, 32, p. 202.

²¹ *Ibid.*, VIII, 2, 44, p. 212.

²² *Ibid.*, VIII, 1, 36, p. 202.

²³ *Ibid.*, VIII, 2, 29, p. 210.

²⁴ *Ibid.*, IX, 1, 4, p. 222—224.

²⁵ *Ibid.*, IX, 1, 5, p. 224.

²⁶ См. об этом: *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник. — ВВ, 1979, 40, с. 69—70.

²⁷ *Mauricius*, X, 2, 1—11, p. 252.

обеспечения военных кампаний. Для Онасандра единственный источник снабжения армии продовольствием и фуражом — ресурсы вражеской земли. Он требует от стратига ни в коем случае не допускать вторжения врага на территорию Римского государства²⁸. Укомплектовав войско, нужно немедленно перейти границу, чтобы война с самого начала и до конца велась на вражеской земле и чтобы благосостоянию собственной территории не было нанесено никакого ущерба²⁹. Вражескую землю можно грабить, жечь, опустошать, совершенно не заботясь о последствиях; единственным ограничением здесь может быть лишь соображение собственной выгоды: не следует предавать огню то, что необходимо для снабжения войска³⁰. Онасандру свойственно понимание той истины, что избыток продовольствия и фуража укрепляет могущество войска, тогда как их нехватка — подрывает.

Взгляды Маврикия на эту проблему более основательны. Маврикий разделяет идею Онасандра об экономической выгоде ведения войны на чужой территории. Кроме того, он обращает внимание еще на одно дополнительное обстоятельство, чисто психологического свойства. Такая война, замечает Маврикий, повышает боеспособность войска, поскольку она требует от воинов большей находчивости и предприимчивости: они сражаются не только за интересы государства, но и за свое спасение. Сражаясь на собственной территории, воины всегда полагаются на возможность отступления в укрепленные крепости, где они могут спасти свои жизни. На вражеской земле этот фактор не действует — воины находятся в состоянии повышенной опасности, а оно требует от армии постоянной мобилизационной готовности. Разумеется, подчеркивает Маврикий, решение о перенесении войны на вражескую территорию должно быть принято в результате строгого анализа военной ситуации, соотношения боевых сил, учета всех привходящих факторов³¹. Внимание Маврикия к подобным деталям, совершенно недоступным Онасандру, свидетельствует о том, что он был глубококим знатоком воинской психологии.

Если принято решение о походе во вражескую землю, ему должно предшествовать тщательное изучение театра предстоящих военных действий — с точки зрения экономических характеристик, а также в санитарно-гигиеническом отношении, поскольку ресурсы этой земли должны быть соизмерены с потребностями экспедиционных корпусов³². Захват вражеской территории — цель не менее важная, чем разгром армии противника. Эта цель может приобрести самостоятельное значение и потребовать для своей реализации даже больших сил, чем требуется для поражения живой силы врага³³. Захваченные территории нуждаются в охране: Маврикий известны допустимые нормы численности подразделений, выделяемых для этой цели. Так, территория завоеванной славянской хории может с успехом контролироваться одной-двумя тагмами³⁴.

Маврикий проявляет себя не менее решительным сторонником «тактики выжженной земли», чем Онасандр, а его рекомендации насчет того, как причинить наибольший ущерб неприятелю, еще более изощренны. Самым благоприятным временем для вторжения Маврикий считает период жатвы: нанесенный врагу ущерб будет тогда особенно чувствительным, а его неблагоприятные последствия — максимально продолжительными³⁵. Вместе с тем опыт и житейское благоразумие дают основание Маврикий высказать две важные практические рекомендации. Если войску предстоит обратный путь по той же самой вражеской территории, то не следует бездумно предавать огню все продовольственные и сырьевые ресурсы, чтобы

²⁸ *Onasander*, VII, 2, p. 404.

²⁹ *Ibid.*, VI, 12, p. 400—402.

³⁰ *Ibid.*, VI, 11, 13, p. 400—402.

³¹ *Mauricius*, VIII, 1, 43, p. 204.

³² *Ibid.*, VIII, 2, 45, p. 212.

³³ *Ibid.*, VIII, 2, 71, p. 216.

³⁴ *Ibid.*, XI, 4, 42, p. 288. Численность одной тагмы (банды) определяется Маврикийем в 300—400 воинов. См.: *Ibid.*, I, 4, 2, p. 58.

³⁵ *Ibid.*, VIII, 1, 29, p. 202.

в будущем не оказаться в затруднительном положении ³⁶. А еще надежнее нести с собой необходимые припасы, поскольку полностью ставить себя в зависимость от военной добычи было бы весьма рискованным делом ³⁷. Разница между Онасандром и Мавриkiem проявляется здесь вполне отчетливо: горячечной безрассудности неопита противостоят трезвость мышления и холодный расчет многоопытного практика.

Если же собственная территория подверглась вражескому нападению, тогда противники как бы меняются ролями. Напомним, что подобная ситуация Онасандром полностью игнорируется: он не мыслит собственную армию в роли обороняющейся стороны. Рекомендации Маврикия по этому поводу столь же подробны и основательны, как и при планировании вторжения. Прежде всего, указывает он, следует эвакуировать сельское население под защиту крепостных стен. Оборонительные сооружения надлежит укрепить и усилить ³⁸. Если имеется возможность, нужно спешно соорудить новые укрепленные пункты, обнесенные стенами из камня и рассчитанные на трех-четырёхмесячную осаду; в них размещаются гарнизоны, находящиеся под командованием опытных офицеров ³⁹. Продовольствие и фураж должны быть перевезены в крепости, животные угнаны с полей ⁴⁰. В ожидании вражеской осады гарнизоны крепостей должны уничтожить в окрестностях все оставшиеся припасы ⁴¹, выслеживать и вылавливать неприятельских фуражиров, решительно пресекать все другие возможные источники снабжения неприятельского войска ⁴². Собственная армия, собранная в одном месте, должна постоянно угрожать противнику — тогда он не решится приступать к осаде городов или рассредоточиться по стране в поисках добычи ⁴³. Комплексное осуществление указанных мероприятий ослабит неприятеля и создаст условия для его конечного поражения.

В процессе планирования военной кампании стратегу приходилось решать проблему союзников. Сравнение сведений Онасандра и Маврикия по этому вопросу также не лишено интереса, а выводы, к которым приводит такой анализ, оказываются весьма важными.

Упоминания союзников в трактате Онасандра буквально единичны — их подавляющее большинство сосредоточено в одной главе. При переходе через землю союзников (*συμμαχίδα γῆν*), пишет он, следует запретить малейшие посягательства на их собственность, ибо даже незначительный повод может привести к ссоре с ними, отчего союзники могут превратиться во врагов ⁴⁴. Опустошая вражескую землю, стратег должен учитывать не только собственные интересы, но и интересы «друзей» ⁴⁵. Готовясь к вторжению, надлежит избегать длительного пребывания в собственной земле или в областях союзников — в противном случае друзья могут пострадать больше, чем враги. Даже если вражеская земля бедна ресурсами, перенося войну на ее территорию, стратег по крайней мере не причинит вреда своим друзьям ⁴⁶. В заключительных главах трактата Онасандр упоминает союзников еще раз, причем в несколько неожиданном контексте: захваченных в плен вражеских воинов не следует умерщвлять, даже если этого требуют союзники ⁴⁷.

Мы отметили все случаи упоминания Онасандром союзников. Приходится констатировать, что сведения эти достаточно скудны; осложняет анализ и нечеткость в формулировках (параллельное использование терми-

³⁶ Ibid., IX, 1, 12, p. 224; IX, 3, 11, p. 232.

³⁷ Ibid., IX, 3, 2, p. 230.

³⁸ Ibid., X, 2, 10—11, p. 252.

³⁹ *Mauricius*, X, 4, 2, p. 258.

⁴⁰ Ibid., X, 28, p. 252.

⁴¹ В летнее время рекомендуется «выжечь все окрестные нивы, а если нельзя сжечь, то (иным способом) истребить» (Ibid., X, 4, 2, p. 256). Если предстоит война с кожным противником, должна быть выжжена и трава (Ibid., X, 4, 8, p. 258).

⁴² Ibid., X, 2, 9, p. 252.

⁴³ Ibid., X, 2, 4, p. 252.

⁴⁴ *Onasander*, VI, 10, p. 400.

⁴⁵ Ibid., VI, 12, p. 402.

⁴⁶ Ibid., VI, 13, p. 402.

⁴⁷ Ibid., XXXV, 4, p. 488.

нов «союзники» и «друзья»). С достаточной определенностью можно лишь предполагать, что территория проживания этих союзников располагалась на границах с Римским государством: сосредоточение римских войск перед началом похода происходит либо на самой союзной территории, либо в непосредственной близости от нее; по ней же проходят и маршруты передвижения римских экспедиционных корпусов. Что же касается конкретных форм и способов военного сотрудничества римлян и союзников, то об этом у Онасандра ничего не говорится.

В трактате Маврикия о союзниках сказано гораздо более подробно и определено: они рассматриваются именно в качестве военных партнеров. По отношению к ним следует проявлять разумную осторожность: не стоит снабжать их оружием, пока нет уверенности в их безусловной лояльности⁴⁸. Формируя армию, не нужно допускать, чтобы численность войск союзников превышала собственно «ромейские» формирования; в противном случае возникает опасность заговора и военного мятежа. Она уменьшится, если союзные войска будут состояться из различных этнических групп: в этом случае им окажется труднее предпринять какое-либо злодеяние⁴⁹. В ходе военной кампании подразделения союзников должны совершать передвижения отдельно от «ромейских» войск; их лагерные стоянки также должны быть обособленными. В бою им разрешается принимать тот боевой порядок, который «свойствен им по обычаю»⁵⁰. Маврикий рекомендует скрывать от союзников собственные способы построения, приемы и методы ведения войны, поскольку не исключено, что впоследствии нынешние союзники могут оказаться врагами⁵¹. В случае если в войске имеются единоплеменники неприятеля, накануне битвы нужно их отправить под благовидным предлогом в другое место, чтобы пресечь возможность измены⁵². Вместе с тем стратиг должен демонстрировать союзникам свое полное расположение: к ним надобно относиться так же справедливо, как и к собственным войскам, и поощрять их хорошую службу подарками и вознаграждениями⁵³.

Можно прийти к заключению, что во времена Маврикия проблема союзников занимала более важное место в ромейской практике, чем во времена Онасандра. Сдвиги эти зависели от изменившегося характера внешнеполитической ситуации. Противопоставленная всему варварскому миру, империя была вынуждена вести сложную дипломатическую игру. Своих союзников в борьбе против варваров Византия искала и находила среди них самих. Варварский мир тоже не был единым: он раздирался глубокими внутренними противоречиями. Состояние войны и мира менялось с калейдоскопической быстротой: вчерашние друзья Византии становились ее смертельными врагами, бывшие враги мирились с нею перед лицом новых соперников. Иногда союзническая помощь могла решить судьбу военной кампании: Маврикий упоминает ситуацию, когда «ромейское» войско оказалось разбитым и стратиг оттягивает время повторного сражения, рассчитывая на прибытие союзнических подкреплений⁵⁴. Однако в общей военно-стратегической концепции византийцев на рубеже VI—VII вв. союзники занимали второстепенное место: опыт учил, что на них нельзя было полагаться всерьез. Поэтому становится понятной та настроенность, соединенная с презрением, которой окрашены все рекомендации Маврикия по поводу взаимоотношений ромеев с союзниками.

Важнейший элемент стратегии — подготовка собственного войска к войне. При этом имеется в виду как профессиональная подготовка воинов и командиров (навыки владения оружием, знание боевых порядков и т. д.), так и обеспечение высокого духа войска, строгой военной дисциплины.

⁴⁸ *Mauricius*, VIII, 1, 30, p. 202.

⁴⁹ *Ibid.*, VIII, 2, 15, p. 206.

⁵⁰ *Ibid.*, II, 5, 5, p. 84.

⁵¹ *Ibid.*, VII, 4a, p. 176; VIII, 2, 69, p. 216.

⁵² *Ibid.*, VII, 16, p. 174; VII, 16a, 11, p. 190—192.

⁵³ *Ibid.*, VIII, 2, 42, p. 212.

⁵⁴ *Ibid.*, VII, 11a, 4, p. 182.

Трактат Онасандра не содержит сведений о способах комплектования армии; отсутствует в нем и перечень требований, предъявляемых к военно-служащему. В «Стратегиконе» Маврикия такие сведения налицо — они уже были предметом нашего анализа ⁵⁵. «Стратегикон» отразил особый этап в истории военной организации Византийской империи, характеризующийся крахом старой регулярной армии и зарождением новой армии, основу которой составляли иррегулярные ополчения, типичные для последующего периода развития фемного строя.

Необходимые воину профессиональные качества могут быть выработаны длительными, регулярными упражнениями. Онасандр рекомендует вначале обучить воина владению личным оружием. Затем следует установить его постоянное место в строю, чтобы он узнал и запомнил в лицо своих соседей по боевому порядку и своих командиров. Находясь в строю, воины должны обучиться поворотам направо, налево, смыканию и размыканию, уплотнению и разрежению, построению в фалангу, каре и т. д.; причем Онасандр требует довести эти навыки до автоматизма ⁵⁶. Достигнув этого, можно переходить к организации учебных сражений, применяя вместо оружия деревянные палки, колья земли и воловьих бичи. Рекомендуется проводить эти учения на пересеченной местности, когда одна часть воинов захватывает и стремится удержать холмы и утесистые места, а другая пытается «выбить» их оттуда. Подобные упражнения закаляют воинов, повышают их общефизическую подготовку, способствуют тому, что они легче переносят холод и жару, бытовые неудобства, ограничения в еде и питье ⁵⁷. В заключение Онасандр подчеркивает, что все эти упражнения полезны как пехоте, так и коннице; не следует только заставлять лошадей карабкаться по утесам или преодолевать пропасти ⁵⁸.

В «Стратегиконе» мы находим еще более полную и развернутую программу профессиональной подготовки воинов. Поскольку во времена Маврикия в роли «защитников отечества» выступала масса рядовых сельских общинников, для которых служба в армии исчислялась лишь продолжительностью военной кампании, их обучение военному делу оказывалось более сложным делом, требующим гораздо большего времени. Маврикий включает в свой трактат подробные сведения о вооружении, снаряжении, снабжении стратиотов ⁵⁹, перечисляет наименования командиров различных рангов ⁶⁰, дает характеристику специальных подразделений, служб и должностей в составе армии (знаменосцы, санитары, разведчики, адъютанты, возничие и т. д.) ⁶¹, раскрывает структуру и определяет численность армейских подразделений ⁶², высказывает рекомендации по укомплектованию тагмы — основного тактического подразделения византийской армии ⁶³. У Онасандра материал подобного рода полностью отсутствует, Маврикию же он необходим для логического перехода от описания одиночных упражнений воинов (в первой главе I книги) к групповым (о чем подробно повествуется в III книге «Стратегикона»), причем эти упражнения для различных родов войск (пехота, кавалерия) и частей строя (центр, фланги, авангард, арьергард, засадные подразделения, резерв) имеют свою специфику. Мысль о необходимости постоянных упражнений не оставляет Маврикия ни на минуту. Упражнения эти должны осуществляться с максимальным напряжением сил, в условиях, наиболее приближенных к боевым ⁶⁴. Высказывается также ряд советов по тренировке лошадей ⁶⁵.

⁵⁵ См. об этом: *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты. . . , с. 65—67.

⁵⁶ *Onasander*, X, 2—3, p. 408—410.

⁵⁷ *Ibid.*, X, 4—5, p. 410—412.

⁵⁸ *Ibid.*, X, 6, p. 412—414.

⁵⁹ *Mauricius*, I, 2, 1—17, p. 50—52.

⁶⁰ *Ibid.*, I, 3, 1—11, p. 56.

⁶¹ *Ibid.*, I, 3, 12—24, p. 56—58.

⁶² *Ibid.*, I, 4, 1—6, p. 58—60.

⁶³ *Ibid.*, I, 5, 1—6, p. 60.

⁶⁴ *Ibid.*, IV, 5, p. 148; VI, 1, p. 156 etc.

⁶⁵ *Ibid.*, VII, 17a, 18—20, p. 194.

При этом обращает на себя внимание один новый нюанс. Если Онасандр полагает, что праздность воинов влечет за собой лишь падение боеспособности войска ⁶⁶, то Маврикий ставит проблему более широко. Не многие рождаются храбрыми, повторяет он вслед за Вегецием, — большинство становятся таковыми благодаря своему старанию и посредством упражнений. Безделье воинов ослабляет их и дисквалифицирует в профессиональном отношении ⁶⁷. Самая же главная опасность заключается в другом. Поскольку воины всегда находятся в возбужденном состоянии, их праздность может явиться причиной волнений и мятежей ⁶⁸. Лучшее средство пресечь эти злодеяния — обеспечить постоянную занятость войска упражнениями и учениями.

Представляется, что внимание Маврикия к проблеме армейских бунтов далеко не случайно. Конец VI и начало VII в. отмечены волнениями, потрясавшими вооруженные силы государства, в особенности дунайскую армию, обеспечивавшую защиту северо-западного фланга империи против аваров и славян. Напомним, что первый толчок движению, приведшему к свержению императора Маврикия (как сказано ранее, мы не исключаем, что именно он был автором «Стратегикона»), дало возмущение дунайской армии ⁶⁹.

Военная теория требовала от стратига обеспечить в армии четкий порядок, строгую воинскую дисциплину, добиться беспрекословного подчинения воинов командирам. Эти требования должны неукоснительно соблюдаться всегда, на каждом этапе военной службы, на любой стадии военной кампании. «Ничего нет лучше, — пишет Онасандр, — как соблюдать везде порядок, и ничего нет хуже, как нарушать его» ⁷⁰.

Сохранение порядка и дисциплины в армии обеспечивалось целым комплексом мероприятий. Солдаты должны убедиться в том, что командиры проявляют о них постоянную заботу. Онасандр рекомендует не утомлять воинов чрезмерно, особенно накануне сражения ⁷¹. В другом месте ⁷² он подробно пишет об организации их питания, неразрывно связывая этот вопрос с проблемой боеспособности армии. Стратиг, добавляет Маврикий, обязан любить своих солдат, как отец, чаще беседовать с ними, употребляя ласковые слова, доступные их пониманию ⁷³. Он не должен уклоняться от труда, но работать наряду с прочими — вследствие этого воины будут охотнее повиноваться ему, стыдясь собственной неисполнительности ⁷⁴. Заслуживает уважения тот стратиг, который тратит мало времени на еду и сон, но отдает всего себя размышлениям о благе и безопасности своих подчиненных ⁷⁵. Одновременно стратигу следует решительно пресекать всякое неповиновение, соблюдая при этом твердость, непоколебимость и справедливость, особенно в отношении зачинщиков и подстрекателей ⁷⁶. А чтобы солдаты не искали оправдания своим поступкам, ссылаясь на незнание установленных правил, Маврикий включил в свой трактат военно-дисциплинарный устав ⁷⁷ — его изучение составляет обязанность каждого воина, призванного на действительную службу.

Самое серьезное внимание наших авторов привлекает проблема морального состояния армии — ими разработан комплекс мероприятий, которые в конечном счете преследуют главную цель: обеспечить моральное пре-

⁶⁶ *Onasander*, IX, 2—3, p. 406—408; X, 1, p. 408.

⁶⁷ *Mauricius*, VIII, 2, 10, p. 206.

⁶⁸ *Ibid.*, VIII, 2, 14, p. 206.

⁶⁹ См. об этом: *Кучма В. В.* К вопросу о социальной сущности «революции» Фоки. — *ВО. М.*, 1977.

⁷⁰ *Onasander*, XXVII, p. 468.

⁷¹ *Ibid.*, VI, 9, p. 400.

⁷² *Ibid.*, XII, 1—2, p. 434—436.

⁷³ *Mauricius*, VIII, 1, 3, p. 196.

⁷⁴ *Onasander*, XLII, 2, p. 508; *Mauricius*, VIII, 1, 1, p. 196.

⁷⁵ *Mauricius*, VIII, 1, 4, p. 198.

⁷⁶ *Ibid.*, VIII, 1, 2, p. 196.

⁷⁷ *Ibid.*, I, 6—8, p. 62—66.

восходство собственного войска над армией противника, поскольку в этом заключается одна из коренных причин конечного военного успеха.

У Онасандра все соображения по этому поводу отнесены непосредственно ко времени самого сражения. Ведя войско в бой, стратиг должен сохранять вид «веселый, радостный и неустрашимый»⁷⁸ — это производит даже большее впечатление, чем речь, произносимая стратигом перед битвой⁷⁹. Что же касается этой речи, то она должна быть построена таким образом, чтобы воодушевить робких и охладить пыл дерзких и безрассудных⁸⁰, ибо, пишет Онасандр в другом месте, «своевременная боязливость есть осматрительная безопасность, равно как неуместная самоуверенность есть опасная дерзость»⁸¹. Если же войско охвачено страхом, рекомендуется ободрить его униженным, жалким видом неприятельских пленных⁸². Когда сражение уже началось, стратиг, объезжая войско, должен информировать своих воинов о достигнутых успехах, не останавливаясь перед прямым обманом. Воины, возбужденные битвой, принимают на веру любое известие — именно поэтому такие известия должны быть только приятными. «Обман необходим в решительном сражении», — подчеркивает Онасандр⁸³. Если же распустить слух, что убит командующий (или царь) неприятельского войска, то это придаст римлянам особые силы, полностью деморализует неприятеля и может решить исход всего сражения⁸⁴.

Героизм, усердие воинов необходимо по достоинству оценивать: «вознаграждения служат к чести тех, которые уже отличились, и побуждают к отличию тех, которые желают их приобрести впредь»⁸⁵. Рядовые могут быть поощрены оружием, украшениями, частью добычи; командиры — повышением по службе⁸⁶. Погибшие герои должны быть погребены с максимально возможными почестями⁸⁷, причем это нужно сделать невзирая ни на какие обстоятельства, независимо от того, закончился ли бой победой или поражением: «сие благочестивое дело есть священный долг перед погибшими и настоятельная необходимость перед оставшимися в живых»⁸⁸. Как видим, Онасандр рассматривает данный сюжет как одно из самых серьезных оснований для формирования боевого морального духа армии.

Маврикий включает в свой трактат все эти онасандровские рекомендации⁸⁹, сопровождая их некоторыми уточнениями и разъяснениями. Похоронив с почестями своих погибших воинов, следует оставить на поле боя тела убитых врагов — это возбудит страх в неприятельском войске⁹⁰. Для того чтобы вдохновить армию на решающее сражение против неизвестного доселе могущественного народа, нужно предварительно добиться маленького, частичного успеха, уничтожив или захватив в плен хотя бы нескольких неприятельских воинов. Развернув вокруг этого факта соответствующую «воспитательную» работу, можно обеспечить значительный подъем морального духа собственного войска⁹¹. Маврикий в принципе разделяет идею Онасандра о том, что устрашающее впечатление на врага может оказать блеск оружия и громкий боевой клич⁹², но уточняет, что, пока войска не сошлись, надо держать оружие в ножнах, шлемы нести в руках, а доспехи прикрывать щитами; лишь непосредственно перед столкновением нужно по сигналу обнажить оружие и сверкающую эки-

⁷⁸ *Onasander*, XIII, 1, p. 436.

⁷⁹ *Ibid.*, XIII, 3, p. 438.

⁸⁰ *Ibid.*, XIV, 1—2, p. 438—440.

⁸¹ *Ibid.*, XXXVI, 6, p. 492.

⁸² *Ibid.*, XIV, 3—4, p. 440—442.

⁸³ *Ibid.*, XXIII, 1, p. 462.

⁸⁴ *Ibid.*, XXIII, 2—3, p. 462—464.

⁸⁵ *Ibid.*, XXXIV, 2, p. 484—486.

⁸⁶ *Ibid.*, p. 484.

⁸⁷ *Ibid.*, XXXIV, 1, p. 484.

⁸⁸ *Ibid.*, XXXVI, 1—2, p. 490.

⁸⁹ *Mauricius*, VIII, 1, 11, p. 198; VIII, 2, 42, 76, p. 212, 218.

⁹⁰ *Ibid.*, VIII, 1, 16, p. 198.

⁹¹ *Ibid.*, VII, 12, p. 172.

⁹² *Onasander*, XXVIII—XXIX, p. 468—472.

пировку — тогда этот внезапный блеск действительно вызовет желаемый эффект⁹³. Что касается боевого клича, то его следует использовать, особенно в задних рядах строя, для поддержки тех, кто сражается впереди, и для устрашения неприятеля⁹⁴, ибо «громкоголосое воинство благодаря своему боевому кличу является подходящим для приведения врагов в смятение»⁹⁵. Маврикий, однако, возражает против того, чтобы войско провозглашало «С нами бог!», бросаясь в атаку, поскольку это может вызвать замешательство среди воинов и напугать лошадей⁹⁶. Лучше троекратно провозгласить этот клич после молебна, при выходе из лагеря⁹⁷, а в ходе боя производить только общий возбуждающий шум.

Однако Маврикий не ограничивается лишь этими рекомендациями. Его основная идея заключается в том, что моральный фактор формируется не только во время сражения: он должен быть в центре внимания военачальников на любой стадии военной службы — со дня призыва рекрута до его окончательной демобилизации. С этой целью Маврикий рекомендует проводить в армии постоянную «политическую» работу. В свободное от военных занятий время следует собирать воинов по отдельным подразделениям и вести с ними беседы воодушевляющего характера, напоминая события славного прошлого, обещать от имени главнокомандующего награды наиболее отличившимся, изучать военно-дисциплинарный устав⁹⁸. По мнению Маврикия, очень важную роль в формировании морального фактора призвана сыграть религиозная служба в армии — ее организации в «Стратегиконе» уделено серьезное внимание. Более широкий, комплексный подход Маврикия к проблеме формирования морального фактора находит свое объяснение в особенностях современной ему византийской армии, — ее социальных, этнических и конфессиональных характеристиках, о чем уже было сказано ранее.

Составной частью общей подготовки армии к войне являлась организация разведывательной службы. Греко-римская военная теория уже выработала некоторые важнейшие принципы на этот счет: непрерывность поступления разведывательных данных, обязательность их сопоставлений и взаимопроверки, разнообразие источников разведывательной информации.

Еще до начала войны стратиг обязан собрать все возможные сведения о противнике — их внимательный анализ необходим для принятия окончательного решения относительно времени, места и условий предстоящей кампании. Большую ценность могут представить сведения, сообщаемые вражескими перебежчиками. Переход воинов на сторону врага, отмечает Онасандр, — это нормальное явление армейской действительности: всегда найдутся такие, которые встанут на путь разглашения военной тайны ради получения почестей и наград⁹⁹. Следует всячески поощрять у врагов предательство — по мнению Онасандра, в этом нет ничего предосудительного или аморального¹⁰⁰. Посему полководец обязан в любое время дня и ночи принять и выслушать каждого, кто бы ни пожелал встретиться с ним для передачи сведений¹⁰¹. Важно лишь, чтобы они не принимались на веру без критического переосмысления: каждое из них должно быть сопоставлено с разведывательными данными, почерпнутыми из других источников, а сами перебежчики должны находиться под постоянным наблюдением, дабы исключить возможность предательства с их стороны¹⁰².

Поскольку неприятель тоже ведет разведку, в римское войско могут проникнуть вражеские лазутчики. Поступить с ними можно двояким

⁹³ *Mauricius*, VII, 15a, 1—2, p. 188.

⁹⁴ *Ibid.*, II, 17, 5, p. 96.

⁹⁵ *Ibid.*, VIII, 2, 38, p. 210.

⁹⁶ *Ibid.*, II, 17, 1, p. 94.

⁹⁷ *Ibid.*, II, 17, 2, p. 94—96.

⁹⁸ *Ibid.*, VII, 5, p. 168.

⁹⁹ *Onasander*, X, 23—24, p. 426.

¹⁰⁰ *Ibid.*, XXXVIII, 7—8, p. 498.

¹⁰¹ *Ibid.*, XI, 6, p. 434.

¹⁰² *Ibid.*, X, 15, p. 420.

образом. Если стратиг уверен, что его войско слабее неприятельского, их нужно умертвить. Если же римское войско хорошо вооружено и укомплектовано, все намеченные планы выполнены, воины хорошо обучены, а командиры искусны в военном руководстве, то таких лазутчиков следует отпустить восвояси: рассказав своему командованию о преимуществах римлян, они будут способствовать утверждению морального превосходства римского войска над неприятельским ¹⁰³.

Основная масса разведывательных данных поступает все же не от перебежчиков, а от собственных разведчиков. Это могут быть либо отдельные наблюдатели, либо небольшие по численности группы, как пешие, так и конные. Онасандр дает понять, что разведчиков необходимо готовить: они должны уметь определить примерную численность вражеского войска по размерам и конфигурации лагеря, помня, что его круглая форма уменьшает фактическую численность войска, а продолговатая увеличивает. Войско одной и той же численности, будучи расположенным на возвышенностях и высотах, займет большую площадь, чем на равнине. Разведчики должны овладеть этими и подобными познаниями, поскольку ошибки в определении численности вражеского войска могут обернуться самыми опасными последствиями ¹⁰⁴.

Смысл всех мероприятий разведывательного характера состоит в том, чтобы выведать военную тайну противника, одновременно не допустив, чтобы ему стали известны военные планы римлян. Поэтому Онасандр рекомендует тщательно скрывать все свои замыслы вплоть до перехода к их непосредственной реализации ¹⁰⁵.

В трактате Маврикия эти идеи получают дальнейшее развитие. Выработка военных планов должна происходить в ходе совещаний с участием многих людей, но, когда план уже намечен, о нем надлежит знать лишь немногим доверенным лицам ¹⁰⁶. Еще лучше, если план составлен самим стратигом и им же осуществлен. Если же этот план стал известен неприятелю, его надо немедленно переменить ¹⁰⁷. Самые лучшие военные планы, подчеркивает Маврикий след за Вегецием ¹⁰⁸, — это те, о которых неприятель не подозревает до самого их претворения в жизнь ¹⁰⁹.

Тщательная разведка положения дел в неприятельской армии — непременное условие военного успеха: «Следует разведать все, что делается у противника, парализовать все, что может его усилить, и воспользоваться всем, что может его ослабить» ¹¹⁰. Опасно ввязываться в сражение, пока нет четкого представления о планах, намерениях противника и неясно его построение ¹¹¹. Маврикий известны все рекомендации Онасандра относительно вражеских перебежчиков и лазутчиков; добавлен лишь способ поимки вражеских шпионов, проникших в расположение войска. Он основывается на традиции, ведущей начало со времен Полибия, и описан в трактате Вегечия ¹¹², а также у «Византийского Анонима VI века» ¹¹³. Нужно исходить из предположения, что каждый воин имеет свое собственное, строго определенное место в лагере. По заранее согласованному сигналу все воины должны войти в палатки под страхом серьезного наказания для тех, кто останется снаружи. В этих условиях шпион будет непременно

¹⁰³ Ibid., X, 9, p. 416.

¹⁰⁴ Ibid., X, 16—20, p. 422—424.

¹⁰⁵ Ibid., X, 22—23, p. 426.

¹⁰⁶ *Mauricius*, VIII, 1, 8, p. 198; VIII, 2, 63, p. 214.

¹⁰⁷ Ibid., VIII, 2, 19—20, p. 206—208.

¹⁰⁸ *Флавий Вегечий Ренат*. Краткое изложение военного дела. — ВДИ, 1940, № 1 (далее: *Вегечий*), III, 26, с. 278.

¹⁰⁹ *Mauricius*, VIII, 2, 5, p. 204.

¹¹⁰ Ibid., VII, 1, 5, p. 166.

¹¹¹ Ibid., VII, 3a, p. 176.

¹¹² *Вегечий*, III, 26, с. 279.

¹¹³ *Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft*. — In: Köchy H., Rüstow W. *Griechische Kriegsschriftsteller*, 2. Theil: Die Tactiker, 2. Abteilung. Leipzig, 1855, XXVIII, 7, p. 142.

схвачен либо в палатке, если он решится туда войти, либо на территории лагеря, по которой будут курсировать особые патрули ¹¹⁴.

В отличие от Онасандра, Маврикий полагает, что более ценную разведывательную информацию могут доставить не перебежчики, а пленные — поэтому допрашивать их следует лично главнокомандующему ¹¹⁵. Гораздо более подробно пишет Маврикий о разведчиках. В его времена — это уже самостоятельная служба с установленной штатной численностью (два человека на каждую тагму) ¹¹⁶, с профессиональной подготовкой, с четкими задачами ¹¹⁷. Среди тех качеств, которыми должны обладать разведчики, названы трезвость, бдительность, неустранимость, а также хорошие внешние данные ¹¹⁸.

Определенное отражение получила в обоих трактатах теория сторожевой и караульной службы. У Онасандра этому сюжету посвящены лишь два отрывка. В одном из них речь идет о ночных часовых: они должны быть распределены по сменам и нести свою службу в течение определенного (притом непродолжительного) времени. Находясь на посту, часовой обязан непременно стоять на ногах, а не сидеть и не лежать. Рекомендуются зажечь костры, но располагаться не вблизи них, а поодаль, чтобы свет костров препятствовал тайному приближению вражеских разведчиков ¹¹⁹. В другом месте ¹²⁰ говорится об охране фуражиров, направленных для сбора добычи: для этого выделяются конные или пешие воины, находящиеся в полном вооружении, в строгом боевом порядке. Конечно, этот второй сюжет может быть отнесен к области сторожевой службы весьма условно: здесь рекомендации Онасандра не отличаются четкостью (не сказано ни о численности, ни о местоположении, ни о конкретных обязанностях сторожевой группы). Однако мы все же считаем возможным рассматривать данное обстоятельство в указанной связи, поскольку именно так трактуется аналогичный сюжет в более поздних памятниках военной литературы, например, в «Стратегиконе».

По свидетельству Маврикия, выдвинутые вперед сторожевые посты выполняют двойную функцию: с одной стороны, они ведут разведку неприятельской армии, с другой — препятствуют разведывательным действиям противника ¹²¹. Они должны располагаться в укрытых местах, на определенных интервалах друг от друга и поддерживать между собою постоянную связь, особенно ночью, чтобы неприятель не смог воспользоваться их малочисленностью и захватить их ¹²². Сторожевые посты состоят из легковооруженных кавалеристов, специально обученных, «крепких телом и душой», умеющих отлично владеть оружием, чтобы с честью выходить из стычек с неприятелями; если же они будут захвачены, то должны внушить неприятелю уважение к себе ¹²³. Командирами этих сторожевых постов надо назначать людей бдительных, осмотрительных, опытных — от них требуется не столько храбрость, сколько благоразумие ¹²⁴. Сторожевые посты набираются из различных подразделений и располагаются не в один эшелон, а в три, причем посты, выдвинутые наиболее далеко вперед, имеют наименьшую плотность, а посты третьего эшелона (ближайшие к собственному войску) — наибольшую ¹²⁵. Маврикий рекомендует периодически проверять правильность несения сторожевой службы, поручая это надежным архонтам; дозорные, уличенные в небрежности, должны

¹¹⁴ *Mauricius*, IX, 5, 20, p. 246.

¹¹⁵ *Ibid.*, IX, 3, 5—6, p. 230.

¹¹⁶ *Ibid.*, II, 10, p. 88—90.

¹¹⁷ *Ibid.*, VII, 13a, 1—4, p. 186.

¹¹⁸ *Ibid.*, II, 10, p. 88—90.

¹¹⁹ *Onasander*, X, 10—12, p. 416—418.

¹²⁰ *Ibid.*, X, 8, p. 414.

¹²¹ *Mauricius*, VII, 4, p. 168.

¹²² *Ibid.*, IX, 5, 8, p. 242.

¹²³ *Ibid.*, IX, 5, 10, p. 242—244.

¹²⁴ *Ibid.*, IX, 5, 11, p. 244.

¹²⁵ *Ibid.*, IX, 5, 14, p. 244.

быть сурово наказаны, поскольку их беспечность может явиться причиной гибели всего войска ¹²⁶.

Маврикий дает понять, что выделенные в дозор воины обладают специальной подготовкой. Они могут, даже не видя неприятеля, судить о его численности — по следам лошадей, по размерам лагеря; они должны уметь определить время его прохождения через данный пункт, длительность его стоянок и т. д. ¹²⁷

Задача этих сторожевых постов, кроме сбора разведывательных данных, — захват одиночных воинов противника («языков»), отражение нападения неприятельских патрулей, а также поимка дезертиров и перебежчиков из собственного войска. Именно по последней причине, указывает Маврикий, месторасположение дозоров должно быть тайной не только для неприятеля, но и для собственного войска ¹²⁸.

Помимо подвижных сторожевых постов, нужно иметь в виду возможность использования усиленного сторожевого охранения, причем не только с той стороны, откуда ожидается неприятель, но и с противоположной. Кроме того, 15—20 человек располагаются в тылу, на расстоянии до 1000 шагов от основных сил, — они должны быть хорошо вооружены и состоять под командой надежного командира. Их цель — сигнализировать о попытках неприятельского удара с тыла, а также следить за собственными воинами, отстающими от строя вследствие болезни, ранения или других причин ¹²⁹.

Караульные посты необходимы и для охраны лагеря, особенно во время осады вражеского города, — очевидно, для пресечения вылазок осажденных ¹³⁰. Особые посты (двойные или даже тройные) создаются с целью охраны подразделений, выделенных для сбора продовольствия в неприятельской земле, или лошадей, выгнанных на пастбище. Выдвинутые далеко вперед, отделенные друг от друга значительными промежутками, эти посты должны время от времени сменяться, поскольку такого рода служба требует от воинов максимального напряжения ¹³¹.

Как можно заключить, «Стратегикон» Маврикия знаменует более высокую ступень в развитии теории разведывательной, сторожевой и караульной служб, чем это отражено в трактате Онасандра. Усложнившаяся структура византийской армии, более дифференцированная специализация ее различных подразделений, возросший объем задач, решаемых в ходе военных кампаний, усилили внимание теоретиков и практиков к вопросам обеспечения безопасности войска, повышения его неуязвимости. Отсюда — совершенствование уже известных, апробированных и поиск новых средств укрепления общей жизнеспособности армии, улучшения организации и деятельности всех составляющих ее частей и элементов.

(Окончание следует)

¹²⁶ Ibid., IX, 5, 15, p. 244.

¹²⁷ Ibid., VIII, 2, 30—31, p. 210; IX, 5, 1—6, p. 240—242; IX, 5, 16, p. 244.

¹²⁸ *Mauricius*, IX, 5, 18—19, p. 244—246.

¹²⁹ Ibid., IX, 3, 30, p. 236.

¹³⁰ Ibid., VIII, 1, 33, p. 202.

¹³¹ Ibid., IX, 3, 25—26, p. 234—236.